

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Александрова, Наталья Николаевна.
А46 Таинственный сапфир апостола Петра : [роман] /
Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2020. —
320 с. — (Венецианский детектив).

ISBN 978-5-04-108511-7

После смерти Христа апостол Петр оправил четыре камня, данные ему Мессией, в золотой крест и всегда носил его при себе. Святой Петр обладал огромной духовной силой, совершал чудеса, исцелял больных и страждущих. Есть версия, что помогал ему в этом чудотворный золотой крест. После падения Римской империи была разграблена и могила святого Петра в Ватикане. Четыре варвара, нашедшие захоронение, по справедливости поделили четыре драгоценных камня и разошлись в разные стороны. С тех пор судьба камней неизвестна. Существует легенда, что если кто-то сумеет собрать эти четыре камня вместе, этот человек будет обладать бесконечной властью над телами и душами людей... Искусствовед Агния Иволгина, помощница антиквара Борового, не могла понять, почему ее босс с таким остервенением торговался на аукционе в Венеции за кубок, не представлявший, по ее мнению, особой ценности. Однако, когда в тот же вечер Боровой был убит при попытке ограбления, а сама Агния едва не погибла в подстроенной аварии и при этом исчезло главное украшение кубка — огромный синий сапфир, девушка поняла: неспроста Боровой выложил такую огромную сумму за ничем не примечательный лот!..

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н., 2020

ISBN 978-5-04-108511-8 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Там, где много лет назад билось сердце мира, — теперь бродили волки и лисы в поисках добычи. Там, куда сходились мощенные камнем дороги из Галлии и Испании, из Паннонии и Фракии, — теперь остались только звериные тропы. Там, куда привозили хлеб и медь из Карфагена, пряности и шелка из Парфии, драгоценную древесину из Ливана, золото и самоцветные камни из далеких восточных земель, — теперь царили нищета и запустение. Там, где днем и ночью говорили на ста языках, торговали и спорили, заключали миллионные сделки и приносили клятвы незнакомым богам купцы и просители, съехавшиеся со всех концов мира, — теперь царила мертвая тишина, нарушаемая только таинственным шепотом ветра в ветвях да ночным криком сов.

Там, где величественно проходили гордые римские патриции в сопровождении телохранителей-ликторов, где спешили по делам удачливые вольноотпущенники и богатые, пышно разодетые купцы из Парфии или Галлии, — теперь кралась лиса, почуявшая в кустах куропатку. Там, где пировали сенаторы и военачальники, — теперь волк обгладывал чьи-то жалкие остан-

ки. На месте римского форума зеленела роща, ласточки устроили гнезда в выбоинах облицованных мрамором стен. Кое-где среди зарослей терновника валялись прекрасные мраморные статуи, но и они, если приглядеться, были безнадежно обезображены — у одной не хватало руки, у другой был отбит нос.

Великий город, Вечный город Рим пережил свой блистательный расцвет, пережил свой упадок и умер под ударами варваров. Готы Алариха, вандалы Гейзериха, лангобарды Вальтария страшными волнами набежали на Вечный город, разрушали его храмы и угоняли в рабство гордых римских граждан. Десятки полудиких племен — герулы и везеготы, бургунды и аланы — возникали, как призраки, нападали на Вечный город, чтобы урвать свой кусок от его неисчислимых сокровищ и снова исчезнуть в бескрайних лесах севера или бесплодных пустынях востока, унося с собой золотые светильники из храма Юпитера Капитолийского или драгоценную утварь из ограбленного императорского дворца...

И наконец, от Рима не осталось ничего. Или почти ничего.

Последние жалкие остатки некогда гордых римлян ютились в землянках и лачугах, кое-как притулившись рядом с разрушенным форумом или под стеной Колизея. Теперь нельзя было отличить патриция от плебея, потомка сенаторов от уличного попрошайки. Все они с трудом находили себе пропитание и прятались при первых звуках приближающихся варварских отрядов.

Вот и сейчас все они попрятались, и древний форум казался вымершим — по его разбитым плитам ехали верхом четыре рослых бородатых воина, четыре гер-

манца. Может быть, лангобарды, может быть, бургунды, кто их разберет...

— Зря мы сюда притажились, — говорил рыжебородый варвар с обезображенным шрамом грубым лицом, в помятом медном панцире. — Не нравится мне это место. Того и гляди, нарвешься на засаду. Зря мы сюда притажились...

Самый рослый из варваров, могучий воин в железном шлеме, украшенном бычьими рогами, повернулся к спутнику и произнес хриплым голосом:

— Я не узнаю тебя, Одорих! Ты никогда не робел, даже в тот день, когда мы вдвоем наткнулись на целую шайку аваров!

— Одно дело — авары, их я встречал не раз и убивал десятками. А здесь какое-то дурное место, мне кажется, оно населено злыми духами, а супротив злых духов не помогут ни меч, ни боевой топор! И вообще, что нас сюда привело? Что мы ищем среди этих развалин?

— Золото, Одорих! Мы ищем золото! Мой свояк Ругидий привез отсюда целый пуд всяких золотых побрякушек!

— Откуда здесь золото? — не унимался рыжебородый. — Здесь одни руины, в которых живут совы да енты...

— Когда-то здесь был самый богатый и славный город в мире, — возражал ему предводитель. — Здешные жители ели на серебре и золоте, расчесывали волосы золотыми гребешками и пили сладкое вино из золотых кубков. Не может такого быть, чтобы от этого богатства ничего не осталось!

— Очень даже может! — гнул свое Одорих. — По этим местам уже прошли все племена, все войска и шайки, какие только есть на свете! Отсюда уже

унесли все, что можно! На что ты рассчитываешь, Рагнар, после всех этих людей?

— На что я рассчитываю? На свое везение! Ты же знаешь, Одорих, как любят меня боги! Я не верю, что здешние жители ничего не припрятали на черный день...

— Местные жители? Да где они, эти жители?! Я не вижу здесь никого, кроме диких зверей, да и те убегают при нашем появлении! Никого, кроме лис да барсуков!

— Не видишь? — переспросил его Рагнар. — А ты про-три глаза да посмотри хорошенько! Вон, за тем кустом, смотри, там притаился какой-то старик!

Рагнар спрыгнул с лошади, бросился вперед и схватил за плечо худого смуглого старика, который безуспешно пытался ускользнуть в узкий темный лаз вроде устья пещеры.

— Вот, глянь-ка, Одорих, какого барсука я поймал!

— Не знаю, какой прок тебе в этом оборванце! — проворчал Одорих, слезая с коня. — Неужели ты думаешь, что у него есть золото? Ты у него ничего не найдешь, кроме вшей!

— Отпустите меня, добрый господин! — заговорил, отдышавшись, старик. — Ваш друг прав: я беден, как мышь, с меня вам не будет никакой прибыли! У меня нет не то что золота, но даже пропитания! Отпустите меня во имя Христа...

— Так ты почитатель этого странного бога? — Рагнар с интересом взглянул на пленника. — Я слышал про него. Один мой родич сам стал христианином. Правда, это ему не помогло — он погиб в стычке с шайкой везиготов...

— Так отпустите меня, добрый господин! — повторил старик. — Это зачтется вам на Страшном суде...

— Ты никак вздумал меня пугать? — нахмурился германец. — Ты угрожаешь мне каким-то судом? Вот этого я не люблю! Для меня есть только один суд — суд моего меча!

— Я говорю не о земном суде, — ответил ему христианин. — Я говорю о суде небесном! На этом суде все предстанут пред очами Господа — бедные и богатые, сильные и слабые, господа и нищие...

— Не говори ерунды! Никогда слабый не сравняется с сильным! Говоришь, у тебя ничего нет? А куда ведет эта нора? Надо бы ее проверить!

Смуглое лицо старика побледнело, он затрясся и проговорил жалобным, умоляющим голосом:

— Это просто звериная нора, добрый господин! Я прячусь в ней от непогоды и от злых людей... клянусь тебе, там ничего нет! Да ты и не пролезешь туда, добрый господин! Она годится только для такого тщедушного человека, как я!

— Что-то уж больно ты заволновался, христианин! — Рагнар нахмурился, приблизился к устью пещеры и заглянул внутрь. — Не иначе, ты прячешь здесь свои сокровища!

— Какие сокровища? — лепетал старик. — Вы же видите, добрый господин, я нищ!

— Всякое бывает, всякое бывает! — Германец позвал одного из своих молодых спутников, отломил ветку от куста, зажег ее кремневым огнивом и подал молодому воину: — Арнульф, полезай вперед с факелом, мы последуем за тобой!

— Не нужно, добрый господин, не нужно! — причитал старик. — Свод может обрушиться на вас... Будет очень жаль, если погибнут такие добрые господа!

— Что это ты так за нас переживаешь? — ухмыль-

нулся Рагнар и толкнул старика в пещеру вслед за воином с факелом. — Полежай-ка в свою нору!

Старик, всхлипывая, полез вперед.

Узкий проход вскоре расширился, превратившись в подземный коридор. Рагнар принялся: в подземелье пахло чем-то неприятным, очень неприятным... Варвар узнал этот запах: в подземелье пахло смертью. Одорих, который шел вслед за Рагнаром, тоже почувствовал этот запах. Он замедлил шаги и вполголоса проговорил:

— Не нравится мне здесь... Может, и правда, вернуться?

— Ну уж нет! Теперь я ни за что не вернусь! — прохрипел Рагнар и решительно зашагал вперед.

Молодой Арнульф, возглавлявший процессию, издал удивленный возглас и попятился.

По стенам подземелья в несколько рядов лежали высохшие человеческие трупы.

— Что это такое, христианин? — спросил Рагнар старика.

— Это место, где мы, христиане, хороним своих мертвых, — ответил тот тихо. — Прошу вас, добрые господа, проявите уважение к их смерти, не тревожьте их бранные останки!

— Пойдем отсюда, Рагнар! — проговорил рыжебородый, догоняя спутников. — Не люблю мертвецов... От них у меня становится щекотно в животе...

— Ты никак трусил, Одорих? — усмехнулся Рагнар.

— Не говори так! — Одорих возмущенно побагровел. — Ты знаешь, что я никогда не был трусом! Я готов сразиться хоть с сотней врагов — но только живых врагов! Но мертвецы — это совсем другое дело, от них никогда не знаешь, чего ждать! Вдруг они оживут и набросятся сзади? Вдруг они выпьют всю мою кровь?

— Так и говори, что трусил! Теперь, когда мы нашли могилы этих христиан, отступить не время! Наверняка где-то тут они прячут и свои драгоценности!

— У нас нет никаких драгоценностей, добрый господин! — повторял старик самым жалобным голосом.

— Я это уже много раз от тебя слышал, старик! — прикрикнул Рагнар на христианина. — Умолкни и иди вперед!

Германцы шли дальше вслед за стариком — и чем дальше они шли, тем медленнее и неохотнее двигался их провожатый.

— Шагай быстрее, старик! — прикрикнул на него Рагнар и ткнул христианина в спину.

— Я стар... — жалобно произнес тот, спотыкаясь. — Здесь темно... Я не могу идти быстрее...

— Шагай, если не хочешь познакомиться с моим мечом!

Христианин что-то невнятно пробормотал, сделал еще несколько шагов и остановился.

— Прошу вас, не заставляйте меня идти дальше, добрые господа! — проговорил он жалобным голосом.

— Еще как заставим! — рявкнул Рагнар. — Я чувствую впереди запах сокровищ, и ты приведешь нас к ним!

— В этом подземелье нет никаких сокровищ! — воскликнул христианин с неожиданной страстью. — То есть в нем нет никаких земных сокровищ, тех, которых вы желаете! Здесь есть только сокровища духа! Сокровища нашего Небесного Отца!

— Нам без разницы, чьи это сокровища — мы их заберем, чего бы это ни стоило, хочешь ты этого или хочешь!

— Вы не так меня поняли... это не сокровищница, добрые господа, это кладбище... Здесь нашли свое последнее упокоение святые, благочестивые люди...

— Старик, мне надоела твоя болтовня! Еще одно слово — и я отрублю тебе руку! — И варвар потянул свой меч из ножен, угрожая сверкая глазами.

Старик тяжело вздохнул и сделал еще несколько шагов. Он едва передвигал ноги, как будто к каждой была прикована пудовая гиря.

Подземелье расширилось, свод его стал гораздо выше, потерявшись в темноте.

Воин с факелом в руке вышел вперед, поднял факел над головой, чтобы осветить помещение, в котором они оказались.

Это был большой грот со сводчатым потолком и выложенными кирпичом стенами. Должно быть, прежде это был подвал какого-то из римских храмов, но сейчас этот грот был, как и все подземелье, превращен в захоронение.

Только здесь был похоронен всего один человек.

Он покоился посреди грота на мраморном возвышении, со сложенными на груди руками. Лицо и все тело этого человека не были тронуты тлением, от него не исходил тлетворный запах смерти, запах разложения, напротив, этот мертвец источал тонкое, едва уловимое благоухание.

Гладкий лоб с глубокими зальсынами казался необыкновенно высоким, тонкие седые волосы ниспадали на плечи.

Мертвец был облачен в длинное одеяние из белого льна и в грубые кожаные сандалии.

Весь его облик был исполнен такого удивительного величия, что Рагнар невольно попятился и непривычно тихим голосом спросил христианина:

— Кто это? Какой-то мертвый вождь?

— Да, это вождь всех праведных, это наследник великого владыки, ученик и преданный слуга нашего Господа. Это о нем сказал Спаситель: Ты — Петр, камень, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее! Он нес нам слово Божье, он был нашим добрым пастырем... Покиньте это место, добрые господа, не тревожьте вечный покой святого!

— Кто бы он ни был, мы не уйдем отсюда прежде, чем заберем его сокровища! — воскликнул, выходя вперед, рыжебородый. — Не зря же мы тащились по этому подземелью!

— Я говорил вам, добрые господа, что здесь нет никаких сокровищ! — повторил христианин.

— Никаких сокровищ? — повторил за ним рыжебородый. — А это что?

Он протянул к мертвецу руку и схватил крест, покоившийся на его груди. Массивный золотой крест был по четырем концам украшен четырьмя сияющими камнями — синим, как полуденное небо, красным, как закатное солнце, зеленым, как пронизанное светом южное море, и янтарно-желтым, как солнце.

— Не трогайте этот крест, добрый господин! — кричал христианин, бросившись к германцу. — Не трогай эту святыню, варвар! Убери от нее свои грязные руки!

Он выхватил из своих лохмотьев заржавевший кинжал и попытался ударить германца в грудь, но молодой воин, который стоял в тени, опередил его и молниеносным ударом меча поразил христианина.

Старик рухнул на пол возле мраморного возвышения и забился в предсмертных конвульсиях.

— Туда ему и дорога! — проговорил Рагнар, отталкивая мертвого христианина к стене. — Ну что ж, по-

хоже, что больше ничего стоящего в этом подземелье мы не найдем. Остается только один вопрос: как поступить с этим крестом?

— Мы, вольные германцы, должны поступить по справедливости! — подал голос молодой воин, который убил христианина.

— По справедливости? — повторил за ним рыжебородый. — Ты так считаешь, Герузий? Я думаю, что самое справедливое — разыграть его в кости!

— Нет, в кости с тобой я играть не буду, — возразил Рагнар.

— Что, ты хочешь сказать, что я нечестно играю? — Рыжебородый потянулся за мечом.

— Нет, я хочу сказать, что тебе чересчур везет.

— Значит, меня любят боги!

— Все равно, как ни называй, — это не будет справедливо. Я предлагаю вынуть из креста камни и разделить их. Камня четыре — и нас четверо. — А сам крест?

— Сам крест мы оставим этому святому. — Рагнар взглянул на величественного мертвеца. — У нас же есть обычай отдавать часть добычи богам...

— Мы отдаем часть добычи своим богам — но это не наш бог и не наш святой! — возразил рыжебородый.

— Пусть так, но все же оставим ему крест, чтобы он не слишком гневался!

— Пусть будет по-твоему! — неохотно согласился рыжебородый.

Выбравшись из подземного склепа, германцы прошли еще немного среди руин Вечного города и остановились там, где начинались вымощенные камнем дороги, расходящиеся в разные стороны.

— *Здесь наши пути расходятся, — проговорил Одо-рих, оглядываясь по сторонам. — Я отправлюсь на запад, к королю франков. Говорят, он набирает дружину, чтобы сразиться с везиготами.*

— *А я хочу попытать счастья на востоке, — сказал молодой Герузий, который только что заколол христианина. — Мезигий, вождь аваров, хочет поступить на службу к византийскому базилевсу.*

— *А я отправлюсь на север, к фризам, — произнес, в свою очередь, Рагнар. — Они собираются в морской поход на дальние острова. Настоящее дело для настоящего воина.*

— *А я отплыву с вождем вандалов Рустом на юг, в африканские земли, — сообщил самый молодой воин, Арнульф. — Что ж, нам было весело вместе, и я никогда не забуду вас, друзья!*

И четыре варварских воина двинулись в разные стороны, навстречу своей изменчивой судьбе.